

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ИМЕННЫХ СКЛОНЕНИЙ

Т.Ю. Казанцева

Аннотация. Рассматриваются особенности древних индоевропейских склонений существительных. Большинство ученых отмечают, что парадигмы склонения построены согласно основообразующим формантам, которые относятся к реликтам классного и активного типа. В связи с древностью источника восстановить семантические подгруппы имен, связанные с определенными основообразующими формантами, представляется затруднительно. Поэтому в некоторых языках предпочтению отдается одним показателям, в других – иным. Наблюдается тенденция к унификации одного форманта и закрепление за ним более обобщенного значения. Мало что известно о грамматической функции древнегерманских основообразующих формантов. С одной стороны, они являлись признаком того или иного склонения, с другой – определенных группировок существительных. К сожалению, данное состояние не проясняет и индоевропеистика. Неоднократно предпринимались попытки связать деление существительных по основам с общностью их семантики и семантизировать основообразующие форманты. Однако древнегерманские языки, в том числе готский, сохранили деление существительных в парадигме склонения по основообразующему форманту. Что же касается готского языка, то принцип деления по основам сосуществует в нем с делением по родам. Большое количество одушевленных имен сосредоточено в склонениях с немаркированными основами по принципу рода. Очевидно, что лексическое значение существительных в какой-то мере отражает былое индоевропейское состояние, когда к одушевленным именам относились все живое, растущее, а также социально значимые вещи. Поэтому лексический состав реликтовых склонений является одним из важнейших факторов при выяснении роли и значения основообразующих формантов. По логике вещей, основообразующие форманты стали формальными показателями склонений лишь с течением времени. Первоначально формативы основ не были безразличны к семантике существительных и присоединялись только к определенным именам, выделяя их среди остальных. Лексический анализ готских имен существительных со сложными основообразующими формантами все больше убеждает в древнем происхождении консонантных элементов *-j-*, *-w-*, *-n-*. Консонантные маркеры данных формантов, как классифицирующие показатели, перестают выполнять свою семантическую функцию и берут на себя новую функцию одушевленности.

Ключевые слова: индоевропейские склонения; лингвистическая категория; основообразующие форманты; одушевленный класс; консонантные маркеры.

Введение

В любом индоевропейском языке, древнем или современном, можно легко найти реликты исчезнувших систем и классов, и эти реликты восходят к разным эпохам истории языка. Такие пережитки, свидетельствующие о древнейшем состоянии языка, позволяют восстановить такое состояние хотя бы частично.

Происхождение и развитие морфологической структуры индоевропейского имени невозможно рассматривать отдельно от тех лексических категорий, которые, вероятнее всего, и послужили одной из главных причин возникновения и происхождения индоевропейского склонения. Анализ оформления падежной системы в любых индоевропейских языках показывает значительное разнообразие типов склонения, и каждый тип в зависимости от основообразующего суффикса характеризуется особым оформлением падежей. Причины такого отсутствия единства уходят корнями в раннеиндоевропейское состояние, возможно, и к доиндоевропейской эпохе.

Крайне затруднительно отнести существование какой-либо классификации к определенному этапу развития индоевропейского языка по той причине, что на протяжении нескольких тысяч лет, когда складывалась данная классификация и система склонения, возникали какие-то новые элементы, они сосуществовали с более ранними, накладывались на них, перекрещивались, элиминируя старые типы только до определенной степени. Можно предположить, что в течение всей истории индоевропейских языков форманты могли изменять свою семантику, исчезать на основе процессов морфологического переразложения и опрощения, а также под влиянием родовой дифференциации.

Древние индоевропейские склонения существительных подразделялись на склонения имен с основой на гласные и с основой на согласные, которые имели свои формальные признаки. Как считает И.М. Тронский, именное склонение зародилось у имен активного, одушевленного класса [1. С. 92]. Однако во временном отношении склонение существительных на гласные основы возникло позже [2. С. 79, 353; 3. С. 22–23]. По мнению М.М. Гухман, в германских *n*-основах первоначально род не дифференцировался [4. С. 148]. Отсюда следует, что имени были свойственны другие категории.

Следует констатировать, что имя в языках активной типологии подразделяется на класс одушевленный и неодушевленный или активный и инактивный, а само склонение первоначально появилось у имен активного класса. Согласно мнению Г.А. Климова, языки активного класса, к которым в глубокой древности принадлежали и индоевропейские языки, обладали бедной системой склонения [5. С. 131]. Можно

предположить, что делению индоевропейских существительных по родам предшествовала двухклассная система, т.е. противопоставление одушевленных, активных имен, обладающих склонением, именам инактивного класса.

Методология исследования

Придерживаясь определения лингвистической категории, данного в словаре О.С. Ахмановой и подразумеваем под ней «общие свойства различных классов и разрядов языковых единиц, конституирующих эти классы и получающие разнообразное языковое выражение» [6. С. 190].

М.М. Гухман в своей работе «Историческая типология и проблема диахронических констант» указывает на сохранение реликтов глубокой древности в именной словоизменительной системе, в особенности аномальных построений именных парадигм [7. С. 199, 205, 207]. Говоря о грамматической структуре имени в праиндоевропейском языке, А.Н. Савченко высказал предположение о делении имен на два класса, «активный и пассивный» [8. С. 74].

Допускается возведение индоевропейской трехродовой системы к делению имен на одушевленные и неодушевленные, что означало в отдаленном прошлом их подключение к разновидности классной типологии [9. С. 15]. Такое деление было свойственно не только языкам классного типа, но и начальному этапу языков активного строя [5. С. 173–174, 268–269].

Особое внимание следует обратить на более древнюю группировку существительных в «одушевленный» и «неодушевленный» классы по сравнению с группировкой существительных в языках активной типологии «по значительно более абстрактному признаку активности ~ инактивности соответствующих денотатов» [5. С. 174]. Хотя четкую грань между объединением классов существительных по признаку одушевленности / неодушевленности и активности / инактивности достаточно трудно провести, поскольку эти категории развивались постепенно, вбирая в себя все новые группы имен и как бы пронизывая одна другую [9. С. 16]. Однако в отношении праиндоевропейского допускается существование в системе существительных «бинарной оппозиции активного и инактивного классов, соотносенной и частично перекрываемой противопоставлением существительных по признаку одушевленности / неодушевленности» [7. С. 229].

Одной из центральных проблем в лингвистике является категория одушевленности / неодушевленности, которая рассматривалась в связи со словообразованием. Можно констатировать, что особый интерес к данной категории был проявлен при изучении категории рода.

Каким же образом можно охарактеризовать категорию одушевленности / неодушевленности или активности / инактивности?

Следует заметить, что категорию рода и ее сложные переплетения с выражением в имени противопоставления по полу, личности – неличности, одушевленности – неодушевленности развили А.Т. Аксенов, Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов, О.А. Осипова [10–12]. Согласно А.Н. Савченко, термины «одушевленный» и «неодушевленный» представлены не совсем точно, поскольку к активному классу принадлежали многие имена, обозначающие неодушевленные предметы [8. С. 74].

Разумеется, семантические основы такого деления потеряны, однако можно выделить формальные признаки, основообразующие форманты. Таким образом, под одушевленными именами подразумеваются имена, включающие признаки активности.

А. Мейе предложил интересный подход к рассмотрению одушевленного класса, согласно которому в индоевропейском языке «все, что движется, все, что действует, тем самым попадает под понятие “одушевленного”» [13. С. 345]. Более того, «если исходить из мышления полудивилизованного человека, можно почти всегда объяснить, почему то или другое слово относится к “одушевленному” или “неодушевленному” роду» [13. С. 346]. По-видимому, наделение неодушевленных предметов одушевленностью мыслилось как магия. Дело в том, что отнесение того или иного слова к одушевленному роду можно объяснить мышлением полудивилизованного человека. Очевидно, такие имена соотносились с активными силами. Скорее всего, можно говорить о том, что древние индоевропейцы персонифицировали довольно много неодушевленных понятий: солнце, луну, воду, ветер, растения, действия, процессы и др.

Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов считают, что к активным (одушевленным) денотатам древние индоевропейцы относили не только людей, животных, деревья и растения. «Помимо имен с естественно-активными денотатами к активному классу относятся, очевидно, и такие “неодушевленные” объекты, которые мыслятся носителем языка как выразители активного начала, наделенные способностью к активной деятельности. К таким именам, относимым к активному классу, принадлежат названия подвижных или наделенных способностью к активной деятельности частей человеческого тела: рука, нога, глаз, зуб и другие, а также названия персонифицированных, активно мыслимых явлений природы и абстрактных понятий: ветер, гроза, молния, осень, вода, река, рок, судьба, доля, благо и др.» [11. С. 274].

Дж.О. Керм полагает, что одушевленные существительные отличались от неодушевленных по форме. Приведем пример вопросительных местоимений *who* и *what* из английского языка. Пережитки

древнего порядка сохранились в данных словах, в которых одушевленность противопоставляется неодушевленности [14. Р. 553]. Аналогичное явление можно наблюдать и в русском языке (*кто / что*). Однако не совсем ясно, что имел в виду О. Керм, по-видимому, различные основы или какие-либо показатели, или различные слова, как в случае с вопросительными местоимениями *who* и *what*. Хотя можно предположить, что имена одушевленного класса отличались от неодушевленных не только своей семантикой, но и определенной маркировкой. Следовательно, маркированность существительных, обозначающих одушевленные / активные денотаты, считается важным признаком. Именно благодаря этому признаку древние относили такие имена к классу одушевленных.

Исследование и результаты

Все наши рассуждения касались значительно расширяющейся сферы употребления имен одушевленного / активного класса. Как показали исследования выдающегося лингвиста О.А. Осиповой [15–17], она не будет противоречить тому, что древние индоевропейцы считали активными денотатами.

Некоторые данные позволяют восстановить существительные, относящиеся к одушевленному / активному классу, которые входят в основной фонд древней индоевропейской лексики. А. Мейе был одним из первых, кто описал группы этой лексики, связывая с названиями родства, животных и растений, некоторых вещей (топор, сосуд, названия металлов и т.д.), частей тела [13. С. 391–408]. Как известно, более детальная группировка имен семантического словаря индоевропейцев дана в работе Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [11].

Что же касается древнегерманских склонений существительных, то особая роль в наших исследованиях отводится наиболее древним маркерам именных классов, основообразующим формантам. С одной стороны, группировка существительных в склонения на консонантные и гласные основы могла быть отражением перестройки классного деления существительных по более абстрактному признаку, одушевленности / неодушевленности. С другой стороны, имена, относящиеся к одушевленному / активному классу, видимо, первоначально выделялись своей маркированностью, т.е. консонантными показателями, которые противопоставлялись немаркированным / неодушевленным именам.

С точки зрения Б. Комри, одушевленность является универсальной понятийной категорией, которая существует независимо от своей реализации в любом конкретном языке и может не только выражаться определенными средствами, но и указывать на свою концентрацию

[18. С. 41, 185]. Таким образом, основообразующие форманты обладают собственной спецификой и, возможно, в своих истоках выражали более конкретное лексическое значение, впоследствии они были объединены одним семантическим стержнем, служить для обозначения одушевленности.

Вкратце укажем, что основообразующие форманты широко представлены в древнегерманских языках. С этой целью обратимся к материалу исследования, на основании которого консонантные основообразующие форманты можно интерпретировать как маркеры имен одушевленного класса.

Важно отметить, что отголоском древней индоевропейской категории одушевленности / неодушевленности является существование склонений существительных на определенные основы. Многие лингвисты высказывали мнение по поводу семантического принципа группировки существительных по основам [19. С. 165; 20. С. 25; 21]. Это подтверждается значением суффикса *-r-*, который объединяет имена родства; названия частей тела человека и животного; термины, связанные так или иначе с областью культа, поскольку род, по мнению А.В. Десницкой, «являлся основной единицей культа в древнем обществе» [22. С. 61–62]. Отметим, что семантика одушевленности проявляется у существительных с суффиксами *-an-*, *-jan-* в древнегерманских языках, которые обозначают имя действующего лица [23. С. 9; 24. С. 79–80; 25. С. 138]. Очевидно, вопрос об отношении категории одушевленности / неодушевленности к основообразующим формантам в древнегерманских языках не исчерпан.

Важно в данном исследовании то, что активные имена составляли подавляющее большинство в склонениях на консонантные основы. Поэтому естественно предположить, что консонантные основы, а также основы, содержащие консонантные элементы, представляют собой остатки наиболее древнего склонения. Наша точка зрения согласуется с мнением Ф. Шпехта, который утверждал, что консонантные склонения являются наиболее древними, в особенности гетероклитические склонения; гласные же склонения пополнялись именами из других склонений [26. С. 7, 9, 353].

На примере древнегерманских существительных попытаемся обосновать, что консонантные основообразующие форманты являлись маркерами одушевленности. Поскольку реликты склонения шире представлены в готском языке, то предмет нашего рассмотрения будут готские существительные *ja-*, *jō-*, *wa-*, *wō-*, *jan-*, *jōn-*, *wan-*, *wōn-*основ, имеющие параллели в других древнегерманских языках.

Взяв за основу германские языки, представим анализ готских имен *ja-*, *jō-*основ. По мнению М.М. Гухман, германские имена данных основ представляют многочисленную группу существительных [27.

С. 78]. По своему происхождению *ja-*, *jō-* основы, будучи маркированными показателями рода *-a-*, *-ō-*, приобрели те же падежные окончания по формальному признаку, что и *a-*, *ō-* основы. Поэтому данные основы принято считать вариантами *a-*, *ō-* основ [24. С. 187; 27. С. 81; 28. С. 77; 29. С. 8]. Однако есть несколько факторов, которые заставляют внести коррективы в это сравнение. Прежде всего, это формальные признаки, по которым происходит такое объединение. Готские основообразующие форманты *-ja-*, *-jō-* мы определяем как сложные, содержащие более древний консонантный элемент *-j-* [30–32].

Из 101 готского существительного со сложным основообразующим формантом *-ja-* 25 существительных мужского рода, 76 имен – среднего рода. Имена мужского рода преимущественно все обозначают одушевленные денотаты в прямом смысле, остальные могли считаться одушевленными или активными в понятии древних. Из 76 существительных среднего рода только три имени одушевленные, 15 – конкретные неодушевленные и остальные – абстрактные существительные. Необходимо здесь принимать во внимание тот факт, что родовые отношения сформировались позже более раннего деления существительных на одушевленные и неодушевленные классы.

К основам на *-jan* относятся 45 существительных. Из них 39 существительных обозначают одушевленные имена, а остальные могут быть отнесены к таковым в понятии древних, например *aiwlaugia* «благословение», *aiwxaristia* «благодарение», *wilja* «воля», *faskja* «повязка», *hlja* «хижина», *unkja* «унция» (мера веса) и т.д. Все эти существительные можно отнести к реляционным именам, поскольку они не могут мыслиться вне связи с человеком, т.е. «благословение» или «благодарение» могло быть только чье-то, определенного лица или лиц, точно так же, как предметы, обозначаемые словами «воля», «повязка», «хижина» и т.д. Кроме того, реалии, обозначаемые готскими словами *faskja*, *hlja*, *unkja*, имели немаловажное значение в жизни древних германцев.

В готском языке *wa-*основы представлены незначительным количеством слов, по нашим подсчетам их всего 11. Существительные готского языка, объединенные сложным основообразующим формантом *-wa-*, можно отнести к двум группам:

1) к классу одушевленных имен в понятии древних, например *kniu* (ср. р.) «колени», *triu* (ср. р.) «дерево», *þius* (м. р.) «слуга», *snaiws* (м. р.) «снег»; *fraiw* (ср. р.) «семья», «потомство»; *aiws* (м. р.) «время», «вечность»;

2) классу неодушевленных имен, например *hlaiw* (ср. р.) «могила»; *waurstw* (ср. р.) «труд», «дело»; *gaidw* (ср. р.) «нужда» и др. Однако если взять каждое слово в отдельности, то можно найти причины отнесения их к классу одушевленных имен. Так, готские имена *gaidw* «нужда», *waurstw*

«дело», «труд» и другие не мыслились не относящимися к определенному лицу, т.е. обладали реляционной семантикой.

Существительные мужского рода с основами на *-wan* в готском языке представлены незначительным количеством. Можно предположить, что все они обозначают одушевленные денотаты в понятии древних: *bidagwa* «нищий», *gawaurstwa* «сотрудник», *skuggwa* «зеркало», *sparwa* «воробей», *waurstwa* «рабочий», *wilwa* «разбойник».

Из 37 существительных со сложным основообразующим формантом *-jō-* пять относятся к одушевленным именам, остальные к неодушевленным; все существительные с данным формантом женского рода.

Большинство неодушевленных существительных с основой на *-jō* женского рода, видимо, все же могут быть отнесены к активному (одушевленному) классу, ибо способность этих существительных принимать консонантный основообразующий формант *-j-* в типологическом плане может быть сопоставлена со способностью подобных же существительных принимать суффиксы органической (неотторжимой) принадлежности в языках активной типологии [15. С. 26].

Существительные с основами на *-jōn* представлены небольшим количеством – 18. По-видимому, к этой же группе можно присоединить еще два имени, склонение которых в словаре В. Штрайтберга не обозначено: *kawtsjō* от лат. *cautio* «осторожность, осмотрительность» и *uffjō* «излишняя вещь» [33]. Существительное *kawtsjō* употреблено в заимствованной форме, которая как раз и будет соответствовать именительному падежу единственного числа с основой на *-jōn*. Существительное *uffjō* употребляется в той же форме в тексте, что и *kawtsjō*, поэтому может быть соотнесено с основами на *-jōn*: *uffjō mis ist du meljan izwis* (К. IX, 1) «Для меня, впрочем, излишне писать вам о вспоможении святом» [34. XLVI].

Таким образом, всего к этой группе можно отнести 20 существительных, причем восемь из них обозначают одушевленные или активные денотаты в понятии древних, например *arbjō* «наследница», *garunjō* «поток, наводнение», *imjō* «куча, толпа, масса» и др. Вероятно, 10 неодушевленных имен входят в состав данной группы благодаря своей реляционной семантике. Они подразумевают соотнесение, а также связь с определенным лицом или предметом, чаще всего обозначающим одушевленные денотаты, например *waihjō* «борьба, битва», (во времена древних германцев борьба, битва не могла быть между предметами, во всяком случае, она подразумевала людей или другие живые существа), *sakjō* «схватка, сражение», *kawtsjō* «осторожность, осмотрительность» (качество, обозначаемое этим словом, должно было относиться к живым лицам или существам, т.е. должно быть чье-то), *mitadjō* «мера» (подразумевалась мера чего-то: зерна, гороха и т.д.). Следовательно, та-

кие реалии в понятии древних могли мыслиться неотделимыми от одушевленных существ или других предметов.

В процессе анализа готской лексики мы рассмотрели существительные с основой на *-wōn* и, по нашим подсчетам, представили малочисленную группу в количестве семи имен. Большинство из них обозначало денотаты, одушевленные или активные в понятии древних, например *widuwō* «вдова», *þeihvō* «гром», *uhtwō* «рассвет», часть из которых обладала реляционной семантикой: *wahtwō* «бдение, караул», *bandwō* «знак».

Проведенный семантический анализ показывает, что существительные с основами на *-ja*, *-wa*, *-jō*, *-wō* составляют приблизительно такие же группы, которые описывает Г.А. Климов в языках активной типологии, способные принимать суффиксы органической принадлежности [5. С. 149–150, 153].

Взяв за основу классификацию активных или одушевленных существительных, можно выделить несколько групп существительных *ja-*, *jō-*, *wa-*, *wō-*, *jan-*, *jōn-*, *wan-*, *wōn-*основ, обозначающих: 1) людей, их род занятия; 2) отношения родства; 3) животных, растения или их части; 4) части тела человека или животных (так называемая анатомическая лексика); 5) реалии, тесно связанные с человеком или животным; 6) имена, так или иначе относящиеся к человеку; 7) реалии и явления природы, которые относились к активным, действующим силам.

Более детальный анализ помогает реконструировать первоначальные значения готских существительных со сложными основообразующими формантами [32. С. 56–73].

Заключение

Рассмотренный лексический материал в древнегерманских языках, в частности готском, позволяет сделать вывод, что слова могли иметь совершенно иные характеристики, будучи засвидетельствованные в древнейших памятниках. На основе семантического анализа древнегерманских существительных со сложными основообразующими формантами выявлено, что для выражения одушевленности / активности наиболее подходящими оказались консонантные показатели, более устойчивый способ маркировки имен деятеля.

Таким образом, можно предположить, что в общегерманском консонантные основообразующие форманты служили для выделения имен одушевленного / активного класса, а два типа склонений (на согласные и гласные основы) какой-то период принимали участие в бинарном противопоставлении имен по признаку одушевленности / неодушевленности. Вопрос о роли основообразующих форматов в

древних индоевропейских языках еще не исчерпан. Он связан не только с возникновением и употреблением основообразующих формантов, но и с возникновением первых падежных показателей. Следовательно, необходимо изучать материал, в котором сохранились какие-либо следы принципа группировки существительных по определенным типам основ.

Следует принимать во внимание тот факт, что в древнегерманских языках можно обнаружить следы более раннего индоевропейского состояния, когда индоевропейские языки «пережили глубокий типологический сдвиг» [7. С. 239]. В этой связи консонантные основообразующие форманты, будучи формальными выразителями разных типов склонения, представляют большое значение для раскрытия их первичного назначения. Разнообразие консонантных основообразующих формантов связывается с определенными семантическими группами, которые даже в древних индоевропейских языках довольно трудно установить в настоящее время. Однако сам факт существования разных консонантных формантов говорит о том, что такое деление на семантические группы когда-то существовало. Что же касается системы склонения древнегерманских существительных с основами на *-ja*, *-jō*, *-wa*, *-wō*, *-jan*, *-jōn*, *-wan*, *-wōn*, то здесь можно обнаружить следы отражения древней категории одушевленности / неодушевленности. Это проявляется в том, что показатели *-j-*, *-w-*, *-n-* могли приобретать не все субстантивы, а только определенной семантики.

Очевидно, этот круг слов постепенно расширялся и дополнялся такими именами, которые обозначали важные предметы в жизни и деятельности человека в более древний период. Более того, расширение этого круга субстантивов связано с передачей ими реляционной семантики. Поэтому данные консонантные элементы представляют собой объемные форманты, которые включают в себя два значения: одушевленности и принадлежности.

Литература

1. *Тронский И.М.* О доминативном прошлом индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967. С. 91–94.
2. *Specht F.* Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen : Vadenhock and Ruprecht, 1947. 423 S.
3. *Шантрэн П.* Историческая морфология греческого языка. М. : Иностр. лит., 1953. 337 с.
4. *Гухман М.М. и др.* Историко-типологическая морфология германских языков. Форморфология. Парадигматика. Категория имени. М. : Наука, 1977. 148 с.
5. *Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М. : Наука, 1977. 320 с.
6. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энциклопедия, 1966. 607 с.

7. **Гухман М.М.** Историческая типология и проблема диахронических констант. М. : Наука, 1981. 248 с.
8. **Савченко А.Н.** Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке. // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л. : Наука, 1967. С. 74–90.
9. **Осипова О.А.** Типология древнегерманских именных склонений в свете индоевропейских и уральских языков. Томск : Изд-во ТГПУ, 2007. 312 с.
10. **Аксенов А.Т.** К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода. // Вопросы языкознания. 1984. № 1. С. 14–25.
11. **Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Ч. 1. 428 с.; Ч. 2. 439 с.
12. **Осипова О.А.** Следы классного и активного строения имени в древних индоевропейских языках. // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Новосибирск, 1984. С. 37–46.
13. **Мейе А.** Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. ; Л. : Соцэкгониз, 1938. 510 с.
14. **Сирте G.O.** A Grammar of the English Language: Syntax. N.Y., 1931. Vol. III. 616 p.
15. **Осипова О.А.** Отражение категории одушевленности / неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка). Томск : Изд-во ТГУ, 1980. 130 с.
16. **Осипова О.А.** Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов // Языки мира. Проблемы языковой вариативности. 1990. С. 153–171.
17. **Осипова О.А.** Индоевропейские и уральские языки: избранные труды: статьи, лекции, рецензии. Томск : Изд-во ТГПУ, 2010. 275 с.
18. **Comrie B.** Language Universals and Linguistic Typology. Chicago, Illinois, 1989. 264 p.
19. **Якубинский Л.П.** История древнерусского языка. М., 1953. 368 с.
20. **Ильиш Б.А.** История английского языка. Л. : Просвещение, 1973. 351 с.
21. **Осипова О.А.** Типичные черты проявления категории одушевленности / неодушевленности в склонении древних индоевропейских существительных с основами на -г // Типология лингвистических категорий. Томск, 1987. С. 4–12.
22. **Десницкая А.В.** Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Сравнительное языкознание и история языков. Л. : Наука, 1984. С. 57–70.
23. **Kluge F.** Nominale Stammbildungslehre der Altgermanischen Dialekte Halle : Dritte Auflage, Max Niemeyer Verl., 1926. 155 S.
24. **Сравнительная** грамматика германских языков / отв. ред. М.М. Гухман и др. М. : Наука, 1963. Т. 3. 455 с.
25. **Анацкий И.Н.** Модели имени действующего лица в германских языках // Проблемы морфологического строя германских языков. М., 1963. С. 135–145.
26. **Specht F.** Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen : Vadenhock and Ruprecht, 1947. 423 S.
27. **Гухман М.М.** Готский язык. М. : Иностр. лит., 1958. 288 с.
28. **Krahe H.** Historische Laut- und Formenlehre des Gotischen. Heidelberg, 1948. 143 S.
29. **Бруннер К.** История английского языка. М. : Изд-во иностр. лит., 1956. Т. 2. 391 с.
30. **Казанцева Т.Ю.** Морфологические процессы в сложных именных основах древних германских языков (на примере готского языка) // Lingua Gotica: Новые исследования. Калуга, 2007. С. 202–210.
31. **Казанцева Т.Ю.** Консонантные склонения существительных в древнегерманских языках // Вестник ИГЛУ. Серия: Филология. 2009. № 3 (7). С. 46–54.
32. **Казанцева Т.Ю.** Склонения существительных со сложными основообразующими формантами в древнегерманских языках. Северск : Изд-во СТИ НИЯУ МИФИ, 2010. 139 с.

33. *Streitberg W.* Gotisch-Griechisch-Deutsches Wörterbuch. Heidelberg, 1910. T. 2. XVI. 180 S.
34. *Streitberg W.* Die Gotische Bibel. Heidelberg, 1910. Bd. 3. XLVI. 484 S.

Сведения об авторе:

Казанцева Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, Северский технологический институт, филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Северск, Томская область, Россия). E-mail: ktyu@yandex.ru

Поступила в редакцию 13 января 2021 г.

THE PROBLEM OF HISTORICAL INTERPRETATION OF ANCIENT INDO-EUROPEAN NOUN DECLENSIONS

Kazantceva T.Yu., Ph.D. (Philology), Associate Professor, Seversk Institute of Technology, a branch of National Research Nuclear University MEPhI (Seversk, Tomsk Region, Russia). E-mail: ktyu@yandex.ru

DOI: 10.17223/19996195/53/2

Abstract. The article examines the features of ancient Indo-European noun declensions. Most of the scientists note the declension paradigm being built according to the stem-building markers which refer to relics of the active class. Due to the source antiquity, it is difficult to restore semantic subgroups of names associated with certain stem-building markers. Therefore, in some languages the preference is given to types of markers while in the rest to other ones. There is a tendency to unify a marker having a common meaning. Little research has been undertaken to identify the grammatical function of ancient German stem-building markers in nothing but, on the one hand, they were a feature of a certain declension, on the other hand, that of certain noun groups. Unfortunately, it does not clarify indoeuropeistics. Many attempts have been made to associate with noun division according to their semantics and to semantize stem-building markers. However, ancient Germanic languages, including Gothic, retained the noun division in the declension paradigm according to a stem-building marker. As for the Gothic language, the concept of basic division coexists with gender division. A lot of animate names should be noted to be concentrated in the declension with unmarked stems according to the concept of gender. The lexical meaning of nouns obviously reflects the former Indo-European state when every living, growing as well as socially significant thing was referred to an animate name. Therefore, the lexical composition of relict declensions is one of the most important elements in clarifying the role and significance of stem-building markers. Logical conclusion is that stem-building markers became formal signs of declensions just over time. At first, these formal signs of declensions were not indifferent to noun semantics and only joined certain names distinguishing them among the others. Lexical analysis of Gothic nouns with stem-building markers convinces of the ancient origin of consonantal elements *-j-*, *-w-*, *-n-*. The consonantal elements of stem-building markers, as classifying signs, cease to perform their semantic function and take a new function of animateness.

Keywords: Indo-European noun declensions; linguistic category; stem-building markers; animate class; consonantal elements.

References

1. Tronskiy I.M. (1967) O dominativnom proshlom indoeuropeyskikh jazykov. // *Ergativnaya konstrukciya predlozheniya v jazykakh razlichnykh tipov*. pp. 91-94.
2. Specht F. I (1947) *Der Ursprung der Indogermanischen Deklination*. Göttingen: Vadenhock and Ruprecht.

3. Shantren P. (1953) *Istoricheskaya morfologiya grecheskogo yazyka*. M.: Inostrannaya literatura.
4. Gukhman M.M. (1977) *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya germanskikh yazykov*. Fonomorfologiya. Paradigmatika. Kategoriya imeni. M.: Nauka.
5. Klimov G.A. (1977) *Tipologiya yazykov aktivnogo stroya*. M.: Nauka.
6. Akhmanova O.S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. M: Sovetskaya Enciklopediya.
7. Gukhman M.M. (1981) *Istoricheskaya tipologiya i problema diakhronicheskikh konstant*. M.: Nauka.
8. Savchenko A.N. (1967) Ergativnaya konstrukciya predlozheniya v praindoevropeyskom yazyke. // *Ergativnaya konstrukciya predlozheniya v yazykakh razlichnykh tipov*. L.: Nauka. pp. 74-90.
9. Osipova O.A. (2007) *Tipologiya drevnegermanskikh imennykh skloneniy v svete indoevropeyskikh i uralskikh yazykov*. Monografiya. Tomsk: Izdatelstvo TSPU.
10. Aksenov A.T. (1984) K probleme extralingvisticheskoy motivatsii grammaticheskoy kategorii roda. // *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 14-25.
11. Gamgrelidze T.V., Ivanov V.V. (1984) *Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeytsy*. Tbilisi: Izdatelstvo Tbilisk university. 1, 2.
12. Osipova O.A. (1984) Sledy klassnogo i aktivnogo stroeniya imeni v drevnikh indoevropeyskikh yazykakh. // *Teoreticheskiye aspekty lingvisticheskikh issledovaniy*. Novosibirsk. pp. 37-46.
13. Meye A. (1938) *Vvedeniye v sravnitelnoye izucheniye indoevropeyskikh yazykov*. M.; L.: Socekongiz.
14. Curme G.O. (1931) *A Grammar of the English Language: Syntax*. N.Y. Vol. III. XV.
15. Osipova O.A. (1980) Otrazheniye kategorii odushevlenosti/neodushevlenosti v paradigme skloneniya v drevnegermanskikh yazykakh (na materiale gotского yazyka). Tomsk: Izdatelstvo TSPU.
16. Osipova O.A. (1990) Funkcionalnaya variativnost' drevnegermanskikh konsonantnykh osnovoobrazuyuschikh formantov // *Jazyki mira. Problemy yazykovoy variativnosti*. pp. 153-171.
17. Osipova O.A. (2010) *Indoevropeyskiye i uralskiye yazyki: izbrannyye trudy: statyi, lektsii, recenzii*. Tomsk: Izdatelstvo TSPU.
18. Comrie B. (1989) *Language Universals and Linguistic Typology*. Chicago, Illinois.
19. Yakubinskiy L.P. (1953) *Istoriya drevnerusskogo yazyka*. M.: Gos. uchebno-ped. izdatelstvo M. prosvescheniya RSFSR.
20. Iljish B.A. (1973) *Istoriya angliyskogo yazyka*. L.: Prosvescheniye.
21. Osipova O.A. (1987) Tipichnyye cherty proyavleniya kategorii odushevlenosti/neodushevlenosti v sklonenii drevnikh indoevropeyskikh suschestvitelnykh s osnovami na -r. // *Tipologiya lingvisticheskikh kategoriy*. Tomsk. pp. 4-12.
22. Desnitckaya A.B. (1984) Imennyje klassifikatsii i problema indoevropeyskogo skloneniya. // *Sravnitelnoye yazykoznaniye i istoriya yazykov*. L.: Nauka. pp.57-70.
23. Kluge F. (1926) *Nominale Stammbildungslehre der Altgermanischen Dialekte*. Dritte Auflage, Max Niemeyer Verlag. Halle.
24. M.M. Gukhman et al. (1963) *Sravnitel'naya grammatika germanskikh yazykov*. 3. M.: Nauka.
25. Anatckiy I.N. (1963) Modeli imeni deystvuyushchego lica v germanskikh yazykakh. // *Problemy morfologicheskogo stroya germanskikh yazykov*. M. pp. 135-145.
26. Specht F. (1947) *Der Ursprung der Indogermanischen Deklination*. Göttingen: Vadenhock and Ruprecht.
27. Gukhman M.M. (1958) *Gotskiy yazyk*. M.: Inostrannaya literatura.
28. Krahe H. (1948) *Historische Laut-und Formenlehre des Gotischen*. Heidelberg.
29. Brunner K. (1956) *Istoriya angliyskogo yazyka*. M.: Izdatelstvo inostrannoy literatury. T. 2.

30. Kazantceva T.Yu. (2007) Morfologicheskiye processy v slozhnykh imennykh osnovakh drevnikh germanskikh jazykov (na primere gotskogo jazyka). *Lingua Gotica: Novye issledovaniya*. Kaluga, Institute jazykoznanija RSA. Izdatelstvo "Ados". pp. 202-210.
31. Kazantceva T.Yu. (2009) Konsonantnyje skloneniya suschestvitelnykh v drevnegermanskikh jazykakh. *Vestnik ISLU. Irkutsk. Seriya Filologiya*. 3 (7). pp. 46-54.
32. Kazantceva T.Yu. (2010) Skloneniya suschestvitelnykh so slozhnymi osnovooobrazuyuschimi formantami v drevnegermanskikh jazykakh: monografiya. Seversk: Izdatelstvo STI NRNU MEPhI.
33. Streitberg W. (1910) *Gotisch-Griechisch-Deutsches Wörterbuch*. Heidelberg. T. 2. XVI.
34. Streitberg W. (1910) *Die Gotische Bibel*. Heidelberg. Bd. 3. XLVI.

Received 13 January 2021